Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-18-36
https://elibrary.ru/EMTIIT

© 2022. Катерина Корбелла
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Комедия» Данте в «Преступлении и наказании»

© 2022. Caterina Corbella
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dante's *Comedy* in *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Катерина Корбелла, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5996-0127
E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена возможному дантовскому подтексту романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказания». После краткого введения о состоянии исследований по данной теме и перечисления некоторых макроскопических элементов, общих двум произведениям, внимание сосредоточивается на двух отрывках текста. Первый — спуск Раскольникова в распивочную, схожий со спуском Данте в Ад тем, что он является неожиданным, но единственным путем для спасения героя. Обнаруживаются несколько деталей в поддержку гипотезы, что тут мы имеем больше, чем просто совпадение. Второй момент — слова Порфирия Петровича во второй главе шестой части, насыщенные дантовскими аллюзиями, начиная с повторяющейся отсылки к Геркулесовым столбам. Анализ этого отрывка позволяет предполагать, что при создании «Преступления и наказания» Достоевский не только обратился к «Аду» Данте, но также имеет в виду как минимум еще кантику «Чистилище». В словах Порфирия Петровича находится также один элемент в поддержку недавно предложенному сближению образов Раскольникова и дантовского Магомета. В сносках к статье предложены еще несколько возможных отсылок к «Комедии».

Ключевые слова: «Преступление и наказание», «Божественная Комедия», Данте, Ад, Чистилище.

Для цитирования: *Корбелла К.* «Комедия» Данте в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 18–36. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-18-36

Information about the author: Caterina Corbella, Associate Researcher, Centre "Dostoevsky and World Culture", A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-5996-0127

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the possible presence of Dante's *Comedy* in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment.* After a brief introduction dedicated to the existing research on the matter and to enumerate some of the macroscopical elements that are common to both works, the author focuses on two passages of Dostoevsky's text. The first one is Raskolnikov's decision to go down in the tavern, that is very similar to Dante's entrance in the Inferno, as "going down" is the only (even if unexpected) way to salvation for both characters. The article goes on underlining some details that allows to think that the scene presents more than casual similarities. The second passage are Porfiry Petrovich's words in the second chapter of the sixth part of the novel, where a great number of allusions to Dante can be found, starting with the recurring remark about the Pillars of Hercules. Thanks to the analysis of this passage, it is possible to submit the hypothesis that Dostoevsky had in mind not only the Inferno, but (at least) also Dante's Purgatorio while creating the novel. Here can also be found a new element in favor of the recently proposed convergence between the figures of Raskolnikov and Dante's Mahomet. The notes to the article present other elements that can possibly be identified as allusions to Dante.

Keywords: *Crime and Punishment*, *Divine Comedy*, Dante, Inferno, Purgatorio.

For citation: Corbella, Caterina. "Dante's *Comedy* in *Crime and Punishment.*" *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 18–36. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-18-36

> «Изо ста кроликов никогда не составится лошадь, изо ста подозрений никогда не составится доказательства, ведь вот как одна английская пословица говорит, да ведь это только благоразумие, а со страстями-то, со страстями попробуйте справиться, потому и следователь человек-с».
>
> Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»

Статья посвящена возможному дантовскому подтексту романа Ф.М. Достоевского «Преступления и наказания». Исследования, посвященные присутствию Данте в произведениях Ф.М. Достоевского

сосредоточились в основном на «Записках из мертвого дома» (см. [Захаров, 2022]; [Курган, 2021], и др.); в некоторых случаях литературоведы предпочитали предлагать читателю сопоставление этих двух авторов, нежели гипотезу о возможном присутствии первого в тексте второго (см. [Бужор, Шевченко, 2022]; [Капилупи, 2021]; [Aloe, 2016]). В случае «Преступления и наказания» «дантовский» колорит произведения ощущается многими исследователями, иногда предлагающими элементы для сопоставления, однако, единственная последовательная работа о влиянии Данте в романе, которую мне удалось найти, посвящена исключительно вопросу о пейзаже [Дмитриевская, 2013]. В ней автор предполагает, что «в романе Достоевского можно увидеть два круга ада, где природа мучает двух грешников: Раскольникова и Свидригайлова» [Дмитриевская, 2013, с. 104]. Круг Раскольникова знаменуется духотой и зноем, круг же Свидригайлова — влажностью[1]. Однако же, исследованию предшествует оговорка, что «вопрос об аллюзиях на “Божественную комедию” в пейзаже романа “Преступление и наказание”, конечно, спорный и сложный, т.к. усмотреть отсылки к великой поэме можно не столько через явные пейзажные образы, сколько через функцию пейзажа, а она могла просто совпасть у двух великих писателей» [Дмитриевская, 2013, с. 103–104]. Оговорка актуальна и в случае данной работы: некоторые детали, как и их функции в тексте, могли «просто совпасть» у Данте и Достоевского — и в этом смысл выбранного эпиграфа. Однако же, как мне кажется, здесь найдутся также элементы, способные обосновать необходимость дальнейшего изучения вопроса о влиянии Данте, присутствующем в тексте «Преступления и наказания» (и в текстах Достоевского вообще), и подсказать возможные направления предстоящей работы. Остается открытым вопрос о том, в каком варианте и на каком языке Достоевский читал «Комедию»[2]; из-за этого большинство приведенных здесь предположений ограничиваются теми связями, где вопрос о точном слове не является решающим; гипотезы же о точных цитатах, кроме некоторых важных случаев, предложены в сносках.

В романе «Преступление и наказание» можно найти немало деталей, подталкивающих исследователя к мысли о возможном

---

1 Та же идея высказана ранее в [Анциферов, 2009, с. 490].

2 О переводах Комедии в России см. [Ланда, 2020]. Однако вопрос стоит не только о возможности прочтения «Комедии» на русском языке, но также на других европейских языках (прежде всего — французском) и/или о пересказах, переводах фрагментов и частей, и т.д.

присутствии «Комедии» в нем. В первую очередь, что необязательно делает именно это сходство самым значительным, бросается в глаза пейзаж города, с самого начала характеризующийся духотой и толпой, как и верхние круги дантовского ада[3]. Также нетрудно заметить повторяющиеся упоминания о мучениях и мучителях в тексте: в этой связи интересен и достоен дальнейшего пристального внимания тот факт, что некоторые якобы незначительные выражения, разбросанные Ф.М. Достоевским по роману, очень близки к образам дантовского текста[4]. В «Преступлении и наказании» очень слабой представляется граница между этим миром и миром иным, и возможно общение между живыми и мертвыми, о чем свидетельствуют, прежде всего, слова Свидригайлова о привидениях [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 218–221]. Заметим, что слабость этой границы обнаруживается в книге не только во время сна (сон — важнейшее явление в творчестве обоих авторов, представляющееся собой возможностью соприкосновения с другими мирами), но также в повторяющихся у Раскольникова, как у Данте, переходах от бодрствования к беспамятству, в том числе через опыт бреда или потери сознания[5]. Типологическое сходство можно найти на уровне некоторых героев: очевидна близость Сони и Беатриче, благодаря которым происходит преображение и спасение главного героя и от которых звучит призыв к покаянию[6]; можно найти общее и в образах Разумихина и Вер-

---

[3] О Петербурге как о дантовском «аде» рассуждает М.Г. Курган [Курган, 2015, с. 166]; также см. уже упомянутые работы [Дмитриевская, 2013]; [Анциферов, 2009]. Т.А. Касаткина замечает, что «в процессе истязания душа Раскольникова сходит в ледяные области ада» [Касаткина, 2015, с. 199]. В связи с «Записками из мертвого дома» также Т.А. Касаткина говорит о «необходимом адском мотиве сочетания обжигающего жара и обжигающего холода» [Касаткина, 2015, с. 178].

[4] См. например: «из кожы лез» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 196] и ср. с метафорой, открывающей первые песни Рая: «Как в день, когда ты Марсия извлек / и выбросил из оболочки тела» [Рай, I, 20–21]; «как стая собак» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 195], и ср. с наказанием мотов в седьмом круге Ада: «Позади них лес был полон / черных алчных сук, мчавшихся, / точно гончие, спущенные с цепи» [Ад, XIII, 124–126]; «Позвали Чебарова, десять целковых ему в зубы» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 98], и ср. с жестом, которым Вергилий избавляется от Цербера: «Тут мой вожатый простер длани / и, захватив полные пригоршни земли / швырнул ее в ненасытные глотки» [Ад, VI, 25–27]. В данной работе Ад цитируется по подстрочному переводу Г.Д. Муравьевой [Данте, 2021]; Чистилище и Рай по переводу М.Л. Лозинского [Данте, 1967], если не указано иначе. При цитировании указываются кантика, песнь и стих.

[5] В других романах Пятикнижия «шатающаяся» граница между мирами связана в большинстве случаев с падучей болезнью, разговор о которой в «Преступлении и наказании» отсутствует.

[6] Грех у Данте и у Раскольникова оплачивается слезами. У Данте: «То было бы нарушить Божий рок — / пройти сквозь Лету и вкусить губами / такую снедь, не заплатив оброк //

гилия: они представители «здорового» разума, которые являются наставниками и помощниками Раскольникова и Данте, оставаясь, однако, всегда «меньше» их.

Последнее: в «Комедии», как и в тексте Достоевского, речь идет о «преступлении и наказании». Тут придется немного прокомментировать эти слова, чтобы избежать возможных непониманий. «Комедию» отнюдь нельзя свести к показу состояния грешников после смерти, к некому «путеводителю» по загробному миру. «Комедия» рассказывает, прежде всего, о спасении героя от смертельной опасности через путь его преображения, который можно также определить как путь воспитания свободы, о чем будет подробнее сказано ниже. Путь по Аду, Чистилищу и Раю предпринят, чтобы Данте вернулся в *этот* мир измененным, и продолжал свою *земную* жизнь уже по-новому. «Преступление и наказание» сходным образом завершается обещанием начала новой жизни, которая ожидает Раскольникова в этом мире [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422]. Тут несложно будет заметить сходство с главным Евангельским сюжетом в «Преступлении и наказании»: рассказом о мертвом Лазаре, которого Спаситель воскрешает в эту, земную жизнь.

Цель этого маленького введения, где каждый пункт требовал бы намного большего пространства для своего раскрытия, — очертить общее поле исследования, дать некие рамки дальнейшего анализа.

А теперь переходим к двум сценам в тексте, которые позволяют предположить, что перед нами — больше, чем просто совпадения или общее мировоззрение двух авторов.

«Раскольников спустился вниз»

Начало «Комедии» всем известно. Данте потерян в сумрачном лесу, в горьком месте, которого «смерть немного горче» [Ад, I, 7],

---

раскаянья, обильного слезами» [Чистилище, XXX, 142–145]; «Как самострел ломается, когда / натянут слишком, и полет пологий / его стрелы не причинит вреда, // так я не вынес бремени тревоги, / и ослабевший голос мой затих, / в слезах и вздохах, посреди дороги» [Чистилище, XXXI, 16–21]. Так у Раскольникова: «Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: “Я убийца!”». Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 405]; и дальше на каторге: «Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421].

и это оттого, что поэт «сбился с прямой дороги» [Ад, I, 3]. Поэт не помнит, как попал в этот лес, из-за сна, который овладел им в тот момент [Ад, I, 10–12]. Он видит холм, и понимает, что туда ему нужно подняться, чтобы спастись, однако, дороги для него нет: три страшных зверя перекрывают ему путь [Ад, I, 13–54]. Из этой безвыходной ситуации его спасает Вергилий, который советует ему идти «другим путем» [Ад, I, 91]. После встречи с Вергилием, вместо того чтобы сразу подняться по холму, Данте спускается с ним в Ад, и так начинается его путь по загробному миру.

Необходимость для потерявшего себя Данте спуститься в ад, чтобы через этот спуск подняться к спасению, подчеркивается неоднократно в тексте. В начале Чистилища (места, к которому холм в начале произведения отсылает читателя в силу своей формы и функции [Chiavacci-Leonardi, 2015, p. 12]), Вергилий про него рассказывает: «Этот человек еще не видел последнего вечера, / но, по своему безумию, был к нему так близок, / что уже недолго оставалось ждать. / Итак, как я сказал, я был к нему послан, / чтобы спасти его, и не оставалось другого / пути, кроме того, в который я пустился» [Чистилище, I, 58–63][7]. То же самое подтверждается словами Беатриче на вершине горы: «Так глубока была его беда, / что дать ему спасенье можно было / лишь зрелищем погибших навсегда» [Чистилище, XXX, 36–38].

«Преступление и наказание» начинается отправляющимся в город Раскольниковым. Он тоже, как Данте, совершенно забывшийся: «<...> скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]. Он идет делать свою «пробу»[8]; насколько мысли об убийстве

[7] Перевод по: [Седакова, 2020].

[8] Здесь присутствует, может быть, дословная цитата. Думает Раскольников: «Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]. Ср.: «**Но мне почему идти?** И кто такое допустит? / Я не Эней, я не Павел, / **достойным** ни **я себя не сочту**, ни Тот» [Ад, II, 31–33]. Эти слова Данте говорит Вергилию у врат Преисподней. Чтобы удостовериться в состоятельности такого предположения, было бы важно сравнить текст Достоевского с текстом «Комедии», который он читал; также, если допустить эту гипотезу, надо ответить на вопрос о том, зачем эта отсылка размещена Достоевским именно здесь? Однако хочу отметить, что дальше в тексте, ближе к концу, в словах Порфирия Петровича (о которых будем подробнее говорить ниже), можно еще раз распознавать тему разговора Данте с Вергилием в первых песнях Ада: «А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь. Великого предстоящего исполнения-то струсили? Нет, тут уж стыдно трусить» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351]. Ср.: «Итак, что же? Почему, почему медлишь? / **Почему малодушие привечаешь в сердце**? Почему не являешь отваги и пыла?» [Ад, II, 121–123]; «**Здесь всякий страх надлежит оставить, / и малодушию здесь надлежит умереть**» [Ад, III, 13–15].

его приближают к смерти, символически показано чуть дальше, в сне о лошадке[9]. В квартире Алены Ивановны появляется впервые утверждение «идти некуда»: «Молодой человек взял их [часы] и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но **тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда** и что он еще и за другим пришел» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 9]. Состояние забывчивости Раскольникова усиливается после этого момента: «Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10].

Слова «идти некуда» являются центральными в монологе Мармеладова в распивочной и появятся еще неоднократно в романе, переплетаясь с линией, очерченной вопросом «куда идти?». Как это было и для Данте, ответ на этот вопрос (и, следовательно, спасение от тупиковой ситуации) неожиданно открывается для героя спуском вниз, в грязь мира, обитаемого грешниками: в распивочную[10]. Именно здесь Раскольников встречает Мармеладова, через которого судьба молодого человека связывается с судьбой Сони.

Описывая вход в распивочную, Достоевский ставит акцент на направлении движения: «Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, **в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж**. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. **Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10]. Голова Раскольникова кружится, «палящая жажда» томит его, его охватывает «внезапная слабость» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10]: все эти симптомы нетрудно обнаружить также у Данте при посещении разных кругов Ада, в том числе — в момент входа в него. В распивочной, как и в Аду, собирается страшная и хаотичная толпа. Однако положительным знаком того, что здесь — не только произвольно обнаруживаемое исследователем сходство и что за сценой в распивочной можно разглядеть дантовский ад, служит выражение «другой мир», здесь появляющееся впервые[11]:

9 Анализ этого сна см.: [Касаткина, 2015, с. 189–196].

10 О связи «пьянства» и «греха» в «Преступлении и наказании» см.: [Касаткина, 2015, с. 189].

11 Эти слова повторяются настойчиво в романе, в частности, в самом конце романа читаем: «<…> тут начинается новая история <…> постепенного перехода из одного мира в другой <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422]).

«Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть **в другом мире**, хотя бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 11].

В данной цитате можно обнаружить еще один интересный момент: «новое», которое совершается в Раскольникове, знаменуется «жаждой людей», тем, что «его вдруг что-то потянуло к людям». Немало встреч ожидает Раскольникова в течение рассказа, в частности, с кажущимися совсем посторонними людьми, и вопрос о спасении Раскольникова прямо совпадает с вопросом о выходе из его закрытого состояния[12]. Присутствует здесь важнейшая для Достоевского мысль о природе человека, про которую кратко можно сказать словами, через которые писатель определяет Рай: «Мы будем — лица, не переставая сливаться со всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 174][13]. Не останавливаясь здесь на общих моментах и на различиях между авторами, важно подчеркнуть, что путь Данте в «Комедии» также проходит через множество встреч, которые ему даны, чтобы обрести спасение, новую жизнь.

С этой точки зрения знакомство с Мармеладовым значимо для данной темы не только тем, что оно становится для героя началом пути спасения, но также тем, что оно типологически очень близко к встречам, которые происходят с Данте в загробном мире. При входе в распивочную говорилось о толпе, однако, почти незаметно Достоевский освобождает пространство вокруг героя, чтобы сосредоточиться на встрече с одним человеком, который занимает собой всю сцену. Как часто бывает у Данте, между Раскольниковым и Мармеладовым происходит некое взаимное узнавание, они будто тянутся друг к другу: «Он беспрерывно взглядывал на чиновни-

---

12 На закрытость Раскольникова Достоевский обращает наше внимание с самого начала произведения. Герой «боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5]. Грех (от которого формируется «долг» перед хозяйкой/душой, см.: [Касаткина, 2015, с. 197]) его разделяет не только с Богом, но также с другими людьми.

13 Комментарий к этой фразе и объяснение ее важности для определения человеческой природы по Достоевскому см.: [Касаткина, 2019, с. 169–174].

ка, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12]. За этим узнаванием следует разговор. Обращаясь к Раскольникову, Мармеладов отличает его от всех остальных: «А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12]. И дальше: «Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставлять хочу перед сими празднолюбцами, которым и без того все известно, а чувствительного и образованного человека ищу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12].

Можно заметить здесь нечто похожее на неоднократное в «Комедии» желание душ открыть свои мысли, рассказать свою историю внезапно обнаруженному среди них живому человеку, Данте. Одна интересная деталь подсказывает (возможно) более точную дантовскую отсылку. Мармеладов смотрит вокруг «как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 12]. То же самое высокомерное презрение знаменует собой встречу с «тенью великодушного» Фаринаты Дельи Уберти — также сразу отличающего Данте и обращающегося с разговором к нему:

«О Тосканец, что по огненному граду
идешь живым, и речь твоя столь достойна,
благоволи остановится в сем месте.
Твое наречие выдает в тебе
уроженца той благородной родины
коей я, может быть, досадил слишком сильно»
<...>
Уже в лицо ему я вперялся взглядом,
он же взымал грудь и чело,
точно в великом презрении к аду.
[Ад, X, 22–27; 34–36]

Есть еще одна сцена, о которой стоит упомянуть в контексте разговора о встречах в «адской» обстановке. Это — первое явление Сони. Достоевский пишет: «Из толпы, неслышно и робко, протесни-

лась девушка, и странно было ее внезапное появление в этой комнате, среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 143]. Она ангел, знамение другого, высшего мира: «существо... с огненным пером...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 150], как скажет после встречи Раскольников Разумихину[14].

Соня и Беатриче очень близки: женщины с ангельскими чертами, за которыми сияет образ Божией Премудрости[15]. Через них происходит спасение героя, в частности, от них для Данте и Раскольникова прозвучит призыв к покаянию. Перед нами многогранные образы, и многие детали у двух писателей могли бы просто совпасть в силу общего культурного пространства и мировосприятия. Одна из таких деталей, например, тот факт, что обе женщины действуют не одни. С одной стороны, в «Комедии» очень четко прослеживается нисходящая до Данте помощь, от Богородицы до Вергилия через св. Луцию и Беатриче [Ад, I, 94–114]; с другой, Достоевский в восклицании Пульхерии Александровны представляет союз матери, сестры и любимой женщины, собранный благодаря усилиям Разумихина: «Да ведь и я с тобой поехать могу, если тебе надо будет. И Дуня; она тебя любит, она очень любит тебя, и Софья Семеновна, пожалуй, пусть с нами едет, если надо; видишь, я охотно ее вместо дочери даже возьму. Нам Дмитрий Прокофьич поможет вместе собраться...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 397]; именно они «виноваты» в спасении Раскольникова, как он сам утверждает в той же главе: «О, если б я был один и никто не любил меня и сам бы я никого никогда не любил! *Не было бы всего этого*!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 407].

Другая деталь — внезапное появление Сони «среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния». Хотя она сама в лохмотьях [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 143], эта грязь ей чужда, она не может ее повредить, как заметит Раскольников при второй встрече: «Весь этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 247].

---

14 Для анализа этой сцены и комментария к одежде Сони см.: [Касаткина, 2022]. На вершине Чистилища Беатриче явится в одежде огненного красного цвета и на ней, как на Соне в других сценах, зелёный плащ: «В венке олив, под белым покрывалом, / предстала женщина, облачена / в зеленый плащ и в платье огнеалом» [Чистилище, XXX, 31–33].

15 Не углубляясь здесь в детали, достаточно вспомнить, с одной стороны, имя Софии Семеновны, с другой — указание Данте о месте пребывания Беатриче в Раю: рядом с Рахилью, символом Мудрости [Ад, II, 101].

Беатриче также появляется впервые в «Комедии» в чуждом ей месте, в аду, и на вопрос Вергилия о том, почему она не побоялась спуститься туда, отвечает: «Я сотворена Богом, по милости его, такой / что ваша скверна меня не коснется / ни пламя сего пожара меня не затронет» [Ад, II, 91-93].

«По крайней мере, долго себя не морочил, разом до последних столбов дошел»

Линия того, что герою «некуда идти», с самого начала связана с вопросом о «воле» героя:

«— Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с. — Полтора рубля! — вскрикнул молодой человек. — **Ваша воля**. — И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 9]. Те же слова появляются еще раз при разговоре с Порфирием Петровичем, во второй главе шестой части: «Не беспокойтесь, голубчик; **ваша воля да будет**»[16]. Не зря вспоминается «Отче наш» («да будет воля твоя»): у героя в течение всего повествования наличествует воля именно как признак божественного образа в человеке.

Вопрос о воле центральный для «Комедии», которая заканчивается достигнутым согласием между волей Данте и волей Бога: «Здесь изнемог высокий духа взлет / но страсть и волю мне уже стремила, / как если колесу дан ровный ход, / Любовь, что движет солнце и светила» [Рай, XXXIII, 142–145]. Можно сказать, что путь Данте — это путь воспитания его свободной воли, которая постепенно становится настоящей свободой. Этому вопросу посвящена особым образом вторая кантика, «Чистилище». В этом втором царстве «человеческий дух очищается / и становится достойным взойти в небеса» [Чистилище, I, 5–6][17]. Спускаясь в Ад, Данте не принимал участие в муках встреченных им душ; подъем же в гору Чистилища это — подвиг, который он совершает с ними. Здесь, с самого начала объявляется, что по загробному миру Данте идет «ища свободу» [Чистилище, I, 71] [18]; или, как он сам говорит душам: «Я вверх иду,

[16] Между этими двумя сильными моментами, еще одна «рифма» прозвучит из уст Разумихина: «Воля твоя, я пойду за тобой!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 208].

[17] Перевод по: [Седакова, 2020].

[18] Перевод по: [Седакова, 2020].

чтоб больше не быть слепым» [Чистилище, XXVI, 58][19]. В конце этой аскетической работы герой становится по-настоящему свободным: он больше не грешит, то есть, не промахивается в определении того, что ему нужно[20]. Как говорит ему Вергилий при достижении Земного Рая на верху горы: «Я вел тебя, прибегая к уму и уменью / теперь проводником возьми себе собственное желанье / в прошлом тесные пути, в прошлом отвесные // <...> // Не жди от меня больше ни слова, ни знака; / свободна, пряма и здорова твоя свободная воля, / и плохо было бы ее не слушать: / посему прими от меня власть над собой, корону и митру» [Чистилище, XVII, 130–132; 139–142][21].

Успешный путь Данте по Чистилищу разными нитями связан и сопоставлен с путем гибнущего Одиссея, о котором Данте рассказал в XXVI песне Ада. Одиссей принимает решение идти дальше Геркулесовых столбов, того предела, «за который заходить не должно» [Ад, XXVI, 109]. Он доплыл до острова, в котором читатель узнает гору Чистилища, однако ему не дано было попасть туда, как он сам рассказывает: «<...> / смерч, поднявшийся от новой земли, / сотряс переднюю часть судна // Три раза перекрутил его вместе с водами / на четвертый — задрал корму вверх, / а нос погрузил, как было Ему угодно // и наконец море над нами сомкнулось» [Ад, XXVI, 138–142]. Отсылка к Геркулесовым столбам (к «преступлению» Одиссея, который буквально *переступает* — главный глагол в вопросе Раскольникова: «Смогу ли я **переступить** или не смогу!») появляется два раза в разговоре Порфирия Петровича с Раскольниковым. Первый раз следователь относит слова о столбах к себе: «Ну вот, Родион Романыч, таким-то вот образом я и дошел до последних столбов, да как стукнулся лбом, и опомнился» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 346]. Дальше, Порфирий Петрович повторяет это выражение, в этот раз относя его к Раскольникову. Этими словами начинается удивительный отрывок текста с точки зрения возможных дантовских аллюзий.

---

19 Перевод мой. — *К.К.*

20 Редко где так ясно, как в «Комедии» и в «Преступлении и наказании», было показано, что проблема греха — это вопрос о промахе человека (на греческом «грех» это ἡ ἁμαρτία, то есть буквально «промах») в определении себя, своих «настоящих размеров». О богословии греха в «Преступлении и наказании» см.: [Касаткина, 2020, с. 184–195]. В «Комедии» главным образом посвящены вопросу о свободной воле человека и о грехе как о промахе песни XVI–XVII–XVIII Чистилища (они находятся прямо в центре произведения). О Чистилище как пространстве воспитания свободы см.: [Седакова, 2020, с. 26–28].

21 Перевод по: [Седакова, 2020].

Перевожу отрывок полностью, чтобы потом его комментировать по частям:

> «Совсем не такой подлец! По крайней мере, долго себя не морочил, **разом до последних столбов дошел**. Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым **хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль Бога найдет**. Ну, и найдите, и будете жить. Вам, во-первых, давно уже **воздух переменить надо**. Что ж, **страданье тоже дело хорошее. Пострадайте**. Миколка-то, может, и прав, что страданья хочет. Знаю, что не веруется, — а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, — **прямо на берег вынесет и на ноги поставит. На какой берег?** А я почем знаю? Я только верую, что вам еще много жить. Знаю, что вы слова мои как рацею теперь принимаете заученную; да, может, после вспомните, пригодится когда-нибудь; для того и говорю. Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали! Еще Бога, может, надо благодарить; почем вы знаете: может, вас Бог для чего и бережет. А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь. Великого предстоящего исполнения-то струсили? Нет, тут уж стыдно трусить[22]. Коли сделали такой шаг, так уж крепитесь. **Тут уж справедливость. Вот исполните-ка, что требует справедливость**. Знаю, что не веруете, а, ей Богу, жизнь вынесет. Самому после слюбится. **Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!** Раскольников даже вздрогнул. — Да вы-то кто такой, — вскричал он, — вы-то что за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрстаующие пророчества изрекаете? — Кто я? **Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный. А вы — другая статья: вам Бог жизнь приготовил** (а кто знает, может, и у вас так только дымом пройдет, ничего не будет). Ну что ж, что вы **в другой разряд людей перейдете**? Не комфорта же жалеть, вам-то с вашим-то сердцем? Что ж, что вас, может быть, слишком долго никто не увидит? **Не во времени дело, а в вас самом**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351].

[22] Комментарий к этим словам см. в сноске №7.

Прежде всего, обратим внимание, за кого Порфирий Петрович почитает Раскольникова: «за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль Бога найдет». В недавней статье об образах Наполеона и Магомета в «Преступлении и наказании», Н.Н. Подосокорский напомнил, как в «Комедии» последний размещен среди зачинщиков раздоров, и отметил: «Фамилия героя “Преступления и наказания” — Раскольников — и совершаемое им топором двойное убийство старухи-процентщицы Алёны Ивановны и ее сводной сестры Лизаветы приобретают дополнительный пародийный смысл при прочтении фрагмента из Данте, в котором описывается чудовищная расправа над Магометом и ему подобными» [Подосокорский, 2022, с. 95–96]. Слова Порфирия Петровича подтверждают возможность осознанной отсылки к дантовскому Магомету при составлении образа Раскольникова. В тексте Данте не только описана вертикальная рана Али, которому «весь череп надвое рассажен» (на что обращает внимание Подосокорский в статье); при описании образа Магомета речь идет буквально о «вырезанных кишках»:

> Даже бочка, утратив в днище доску, среднюю или боковую
> не зияет так, как увиденный мною некто,
> рассеченный от подбородка до места, откуда пускают ветры
>
> меж ногами у него свисали кишки,
> наружу был весь по́трох, как и скверный мешок,
> где то, что проглочено, делается дерьмом.
> [Ад, XXVIII, 22–27]

Порфирий Петрович таким образом предсказывает Раскольникову мучение, предназначенное Данте для зачинщиков раздоров (расколов) именно в том виде, в котором оно осуществляется для Магомета, которому Раскольников хотел подражать. Однако же следователь добавляет важную деталь: Раскольников «будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль Бога найдет». Души Чистилища согрешили не меньше душ Ада, и страдают не сильно меньше их, но их страдание — совершенно другого рода, потому что они знают, что через него они приобретут вечное счастие в созерцании Бога. Это — их главная характеристика, о которой говорит Вергилий в самом начале произведении: «<...> / увидишь

и тех, кто радуется / среди огня, ибо чает приобщиться / однажды к сонму блаженных» [Ад, I, 118–120].

Второй элемент, на который стоит обратить внимание — слова о береге (слово, на которое Достоевский обращает внимание следующим за ним вопросом: «На какой берег? А я почем знаю?»[23]), где жизнь «поставит на ноги» Раскольникова. Путь Данте из Ада до берега Чистилища проходит через полный поворот Данте в утробе земли (см. [Ад, XXXIV, 76–96]). Перемена воздуха, которую так настойчиво Порфирий желает Раскольникову — один из первых признаков нового царства: «Сладостный цвет восточного сапфира, / собираясь в ясном пространстве / среды, прозрачной вплоть до первого круга, / вернул глазам моим наслажденье, / едва я вышел из мертвого воздуха, / сдавившего мне глаза и грудь» [Чистилище, I, 13–18].

Если принять гипотезу, что «берег» Раскольникова и есть «берег» Чистилища, можно попробовать провести еще несколько линий. То, что обещается Раскольникову в остроге — именно то, что ожидает души в Чистилище. Страдание как «дело хорошее», которое дается согласно тому, что «требует справедливости», однако: «не во времени дело, а в вас самом» — что напоминает нам о главном правиле пребывания душ в Чистилище: они сами понимают, когда пора подняться дальше в гору, сами созревают до этого сознания. Также, учитывая, что Чистилище — это пути к Раю, совсем по-другому звучат слова: «<...> найдете [Бога], и будете жить»; «<...> в другой разряд людей перейдете <...>» (фраза, которая на первом уровне восприятия должна отсылать читателя к «теории» Раскольникова) и дальше: «<...> вам Бог жизнь приготовил <...>». Последней фразе предшествует самоопределение Порфирия Петровича: «Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный. А вы — другая статья». Встает вопрос — не стоит ли здесь за Порфирием Петровичем одна из фигур честных язычников, которые знаменуют собой начало Чистилища: Вергилий, который будет сопровождать поэта до вершины, или же охрана горы — Катон Утический, честный язычник, умерший за свободу[24].

---

[23] О маркерах значимости в текстах Достоевского см. [Касаткина, 2019, с. 34–35].

[24] Т.А. Касаткина предполагает, что здесь Порфирий Петрович говорит о себе как о человеке, достигшем конца алхимического делания (см. [Касаткина, 2015, с. 160] и дискуссию после [Корбелла, 2022]). Трудно с этим не согласиться, если обратить внимания на имя героя. Однако, мне кажется, это не отрицает возможность того, что за ним может находиться образ одного из великих язычников «Комедии»: эти два предположения не взаимоисключающие.

В конце романа читатель встречает Раскольникова «на берегу <...> реки» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 410], «в остроге, *на свободе*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417]. Оставляя пока в стороне несколько элементов, общих в судьбе Раскольникова и душ в Чистилище, обратим здесь внимание еще на одну деталь. Последняя сцена романа, как и последняя сцена Чистилища — свидание с любимой женщиной у реки. Данте встречает Беатриче в Земном раю, у реки Леты, за которой — Рай. Раскольников в остроге, а за рекой — «свобода», место, где живут «другие люди, совсем непохожие на здешних», где «как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421]. Образ реки, точнее, ключа, уже появлялся в романе как признак земного-райского бытья: первый раз — во сне об оазисе в Египте [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 56], второй — в предполагаемых грезах каторжника [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 418]. На Соне, как и на Беатриче — зеленый платок.

Любовь воскрешает Раскольникова, как это было с Данте и как это было с Лазарем, в новую жизнь. Этот общий момент был отмечен уже давно[25], однако же после нашего анализа он наполняется новой глубиной. Если хотя бы некоторые из предложенных нами элементов реально были расставлены автором, чтобы сблизить путь своего героя с путем Данте, то надо предположить, что знание «Комедии» у Достоевского — это не только сильное впечатление от живых образов Ада, но прежде всего — глубокое переживание ее сокровенного смысла.

Список литературы

1. Анциферов, 2009 — *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе / сост., подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.

Дело не только в том, что алхимический подтекст не чужд «Комедии», но и в уже приведенных словах Вергилия в конце Чистилища, которые, однако, сейчас лучше прочитать в оригинале: «Tratto t'ho qui con ingegno e con arte / lo tuo piacere omai prendi per duce; / fuor se' de l'erte vie, fuor se' de l'arte» [мой подстрочный перевод: «Я вел тебя умом и искусством, / теперь проводником возьми себе собственное желанье / ты уже вышел (прошел?) из тесных путей, ты уже вышел (прошел?) из искусства»]. С точки зрения «arte», Данте в Земном Раю, как и Вергилий, как и Катон — «конченный» человек. Однако Данте уже «вне» этих путей: в отличие от двух великих язычников, для Данте после Чистилища путь только начинается — впереди весь Рай, новая жизнь.

[25] «Достоевский заканчивает свой роман, как и Данте свою поэму, обращением к абсолютной любви» [Анциферов, 2009, с. 489].

2. Бужор, Шевченко, 2022 — *Бужор Е.С., Шевченко О.В.* О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф.М. Достоевского // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №12 (2). С. 75–83. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83

3. Данте, 1967 — *Данте Алигьери.* Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 655 с.

4. Данте, 2021 — *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад / подстроч. пер. Г.Д. Муравьевой. М.: Пробел-2000, 2021. 608 с.

5. Дмитревская, 2013 — *Дмитревская Л.Н.* Пейзаж в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и Наказание» как возможная аллюзия на «Божественную Комедию» Данте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. Т. 1. № 76. С. 103–106.

6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

7. Захаров, 2022 — *Захаров В.Н.* Госпитальные сцены в «Записках из Мертвого Дома» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 304–323. https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11083.

8. Капилупи, 2021 — *Капилупи С.* Средневековая и дантовская вера в высшую справедливость, современные труды и парадоксы искупления у Достоевского: о не случайном пересечении двух великих юбилеев // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. 2021. Т. 22. № 4–1. С. 203–213.

9. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

10. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.

11. Курган, 2015 — *Курган М.Г.* Дантовская концепция ада в творческой перцепции Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2015. № 1 (3). С. 160–176.

12. Курган, 2021 — *Курган М.Г.* Дантовские образы ада в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2021. №15. С. 31–52. https://doi.org/10.17223/24099554/3/10

13. Ланда, 2020 — *Ланда К.* «Божественная Комедия» в зеркалах русских переводов. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 644 с.

14. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

15. Седакова, 2020 — *Седакова О.А.* Перевести Данте. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2020. 128 с.

16. Aloe, 2016 — *Aloe S.* Etica e letteratura in Dante e in Dostoevskij (appunti per un confronto) // Lectura Dantis Scaligera 2009-2015 / ed. E. Sandal. Roma-Padova: Antenore, 2016. С. 231–250.

17. Chiavacci-Leonardi, 2015 — *Dante Alighieri.* La Divina Commedia. Vol. 1: Inferno. / A cura di A.M. Chiavacci Leonardi. Milano: Mondadori, 2015. CL-3367 p.

Список аудиозаписей

1. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Одеяние в «Преступлении и наказании». Доклад // «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения»: Международная конференция, 1–3 марта 2022 г. День первый. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-1dAttmNSQnM&t=3s (дата обращения: 27.07.2022).

2. Корбелла, 2022 — *Корбелла К.* «Раскольников тотчас же спустился вниз»: О возможном присутствии Данте в «Преступлении и наказании». Доклад // «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения»: Международная конференция, 1–3 марта 2022 г. День второй. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EHmLzH5eoRo&t=16486s (дата обращения: 27.07.2022).

References

1. Antsiferov, N.P. *Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature* [*The Problem of Urbanism in Russian Literature*]. Ed. by D.S. Moskovskaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2009. 584 p. (In Russ.)

2. Buzhor, E. S., and O. V. Shevchenko. “O motivakh ada, chistilishcha i raia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [“About the Motives of Hell, Purgatory, and Paradise in the Works of F.M. Dostoevsky”]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 75–83. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-75-83

3. Dante Alighieri. *Bozhestvennaia komediia* [*The Divine Comedy*]. Trans. by M. Lozinskii. Moscow, Nauka Publ., 1967. 655 p. (In Russ.)

4. Dante Alighieri. *Bozhestvennaia komediia. Ad* [*The Divine Comedy. Hell*]. Trans. by G.D. Murav’eva. Moscow, Probel-2000 Publ., 2021. 608 p. (In Russ.)

5. Dmitrevskaia, L.N. “Peizazh v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i Nakazanie’ kak vozmozhnaia alliuziia na ‘Bozhestvennuiu Komediiu’” [“Landscape in the Novel by F.M. Dostoevsky *Crime and Punishment* as Potential Allusion on the *Divine Comedy* by Dante”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 1, no. 76, 2013, pp. 103–106. (In Russ.)

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Zakharov, V.N. “Gospital’nye stseny v ‘Zapiskakh iz Mertvogo Doma’ Dostoevskogo” [“Hospital Scenes in Dostoevsky’s *Notes from a Dead House*”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 2, 2022, pp. 304–323. (In Russ.) https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11083

8. Kapilupi, S. “Srednevekovaia i dantovskaia vera v vysshuiu spravedlivost’, sovremennye trudy i paradoksy iskupleniia u Dostoevskogo: o ne sluchainom peresechenii dvukh velikikh iubileev” [“Medieval and Dantovian Belief in Higher Justice, Modern Fatigue and Paradoxes of Redemption in Dostoevsky: About the not Accidental Crossing of Two Great Anniversaries”]. *Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi Akademii*, vol. 22, no. 4–1, 2021, pp. 203–213. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: the Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: the Artistic Way of Expression*]. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

11. Kurgan, M.G. "Dantovskaia kontseptsiia ada v tvorcheskoi perpetsii F.M. Dostoevskogo" ["Dante's Conception of Hell in Dostoevsky's Creative Search"]. *Imagologiia i komparativistika*, no. 1 (3), 2015, pp. 160–176. (In Russ.)

12. Kurgan, M.G. "Dantovskie obrazy ada v 'Zapiskakh iz mertvogo doma' F.M. Dostoevskogo" ["Dante's Inferno in *Notes from a Dead House* by F.M. Dostoevsky"]. *Imagologiia i komparativistika*, no. 15, 2021, pp. 31–52. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/24099554/3/10

13. Landa, K. *"Bozhestvennaia Komediia" v zerkalakh russkikh perevodov* [*The* Divina Commedia *in the Mirror of Russian Translations*]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2020. 644 p. (In Russ.)

14. Podosokorsky, N.N. "Religioznyi aspect napoleonovskogo mifa v romane 'Prestuplenie i nakazanie': obraz 'Napoleona-proroka' i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitateli Napoleona" ["The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of "Napoleon-Prophet" and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

15. Sedakova, O.A. *Perevesti Dante* [*Translating Dante*]. Moscow: Ivan Limbakh Publ., 2020. 128 p. (In Russ.)

16. Aloe, Stefano. "Etica e Letteratura in Dante e in Dostoevskij (Appunti per un confronto)." *Lectura Dantis Scaligera 2009-2015*, ed. by E. Sandal, Antenore, 2016, pp. 231–250. (In Italian)

17. Chiavacci-Leonardi, Anna Maria, editor. *La Divina Commedia.* Vol. 1: Inferno. Milano: Mondadori, 2015. CL-3367 p. (In Italian)

Reference list of audio entries

1. Kasatkina, T.A. "Odeianie v 'Prestuplenii i nakazanii'. Doklad" ["Clothing in *Crime and Punishment*. Report"]. *"Prestuplenie i nakazanie": sovremennoe sostoianie izuchenia* [Crime and Punishment: *Current State of Research*], International Conference, 1–3 March 2022. Day 1. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1dAttmNSQnM&t=3s Accessed 27 July 2022. (In Russ.)

2. Korbella, K. "'Raskol'nikov totchas zhe spustilsia vniz': O vozmozhnom prisutsvii Dante v 'Prestuplenii i nakazanii'. Doklad" ["'Raskolnikov Immediately Went Down': About the Possibility of Dante's Allusions in *Crime and Punishment*. Report"]. *"Prestuplenie i nakazanie": sovremennoe sostoianie izuchenia* [Crime and Punishment: *Current State of Research*], International Conference, 1–3 March 2022. Day 2. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EHmLzH5eoRo&t=16486s Accessed 27 July 2022. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.07.2022
Одобрена после рецензирования: 27.07.2022
Принята к публикации: 28.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 25 July 2022
Approved after reviewing: 27 July 2022
Accepted for publication: 28 July 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022